

УДК 902.7

ГУСЕЙНОВ Юсуп Магомедович,
кандидат исторических наук, доцент

GYSEINOV Usup Magomtdovich,
candidate of histore sciences,

**КРЫМСКИЙ РЕГИОН В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ
ВОЙНЕ 1768–1774 ГГ.: НЕКОТОРЫЕ
АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ**

**CRIMEA REGION INVOLVED INTO THE
RUSSIAN TURKISH WAR(S) OF 1768 TO 1774:
SOME ASPECTS OF FOREIGN POLICY**

Статья посвящена проблеме внешней политики Крымского региона в годы Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., говорится о позиции России в отношении Крымского региона. Автор затронул роль России в политике Крыма в годы войны. Не без внимания автора осталась политика России на кубанско-причерноморском побережье, которое также оставалось зоной, подвергавшейся нападениям со стороны южных рубежей.

The paper considered an issue of foreign policy the Crimea region had carried on during the Russian-Turkish War in the years 1768 to 1774. The study pointed out the stand Russia made for the Crimea region. The author emphasized the part taken by Russia in the policy carried by the Crimea region during the War. The author did due diligence to Russia's policy in the Kuban Region and the Black Sea littoral area, that remained an area having experienced assaults from the southern borders, too.

Ключевые слова: гавань, Крым, трактат, мирный договор, мятеж, Казнь.

Keywords: harbor, Crimea, treatise, peace treaty, rebellion, execution.

Крымский регион издревле становился объектом войн многих держав. Испокон веков здесь располагались гавани, земли, города, которые манили к себе многих. Поэтому сейчас столь актуален вопрос об исторических предпосылках присоединения полуострова к России.

Действительно, касаясь сегодняшней проблемы Крыма, мы редко обращаем свои взоры в историю, когда чуть ли не весь крымский народ сражался за присоединение к России, а когда это произошло, на полуострове начался промышленно-экономический подъем, стали появляться первые шоссейные дороги, заводы, фабрики и т.д.

Однако путь к присоединению был долгим. Он берет свое начало в годы Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Пользуясь поддержкой западных держав, сложившейся ситуацией на Северном Кавказе и реваншистскими настроениями крымской знати, султан Мустафа III проявлял небывалую активность для развязывания войны. В сентябре 1768 г. он прислал грамоту хану Селим-Гирею с извещением, что решил «с русской империей учинить войну» [1, С.Л.2]. Наиболее последовательным противником России выступила Франция, поддерживая антироссийские группы в Польше и Швеции. Французский посланник в Стамбуле де Вержень внушал Порте, что необходимо вмешаться в польские дела, чтобы не допустить господства русских в Европе.

Как бы то ни было, воспользовавшись незначительным поводом, 25 сентября (6 октября) 1768 г. Порта объявила войну России. В начале ноября Россия объявила ответную войну Турции. В ходе войны обе стороны продолжали использовать территории, людские и другие ресурсы Крыма и Северного Кавказа.

Стратегические планы российского командования предусматривали операции двух армий на европейском фронте: 1-я – наступательная (80 000) под командованием М.А. Голицына должна была занять ранее противника Каменец и Хотин, прикрыть Литву и Киев. 2-я – оборонительная (40 000) под командованием А.И. Румянцева – не допустить противника в пределы Новороссийской губернии. Согласно этим планам, главные силы выделялись на Балканское направление.

Военные действия начались в декабре 1769 г. на трех фронтах: в Подолии, на Дону и на Украине. Но война оказалась более продолжительной, чем ожидали обе стороны. Турция не была подготовлена к ней: вместо 400-тысячной по плану была мобилизована 100-тысячная армия с бездарным командованием. Блестящие победы русских войск под командованием П.А. Румянцева и А.В. Суворова предрешили исход войны на европейском театре. Переброшенная из Балтики в Средиземное море эскадра Г.А. Спиридова разгромила турецкий флот 5 июля 1770 г. при Чесме, где турки потеряли в пламени сражения двадцать четыре корабля [3, с. 41].

Под угрозой «поглощения» Турцией и Крымом в позиции этих князей появился новый акцент – предпочтение ориентации на Россию на базе мирных переговоров. Сообщая о «визите» кубанских эмиссаров кизлярскому коменданту, К. Атажукин снова вопрошал: «Не можно ль слезам нашим взирать и можно ль за урочище Моздок и за беглых наших холопов нас яко многочисленного народа оставить». В отчаянии Касай предупреждал, что, если князья отдадутся под покровительство Порты, «тогда достать» их обратно «будет трудно» [3, с.

41]. Но в Петербурге не пошли навстречу «отверженным» князьям, продолжая активные действия на крымском направлении. Русские войска, наступавшие на Дону, овладели Азовом и Таганрогом.

События показали, что, чем труднее складывалась ситуация на фронтах для Турции и Крыма, тем активнее они вмешивались в кавказские дела. Так, в декабре 1768 г. в Кабарду прибыл адъютант крымского хана. Магомет-ага с письмами от хана Керим-Гирея, султана Мустафы III и великого визира Мухсинзаде Мехмед-паши, призывающих князей перейти в подданство Крыма и под покровительство Порты, отправить в Бахчисарай и Стамбул своих послов [3, с. 42].

Со своей стороны, петербургское правительство также активизировало свои действия на Кубанско-Крымском направлении. В основу действий в этом направлении было положено решение Коллегии иностранных дел от 16 ноября 1768 г., обязывающее кизлярского коменданта Н.А. Потапова принять надлежащие меры к тому, чтобы «отторгнуть горских жителей за рекою Кубанью живущих, для ослабления неприятельских сил, от сообщества с кубанскими татарами и приклонить их в здешнее (российское – Ю.М.) подданство, представляя им разные выгоды, каких они, будучи в подчинении ханов крымских, никогда иметь не могут» [4, с. 288].

Но кизлярский комендант не имел достаточных сил для выполнения этой задачи, тем более, что турецкое и крымское руководство успело перебросить значительные силы в этом направлении. Хотя костековский воевода Алиш Хамзин предупредил Потапова 14 ноября 1768 г. о том, что «в коушанския городу прибыло яничерское войско» [6, Л. 42], противодействовать этому чем-либо Потапов не смог. Пользуясь этим, военные действия начали весной 1769 г. крымские татары во главе с ханом Керим-Гиреем, назначившим своим военным консультантом французского консула в Крыму барона де Тотта.

Ускоренным маршем крымская конница двинулась на Украину в направлении Бахмута и Елизаветграда, глубоко вклинилась в русские земли, грабила мирное население, жгла деревни, захватывала добычу. Для противодействия противнику с российской стороны на Терек были переброшены новые силы. На защиту Кизлярского края в феврале 1769 г. прибыл отряд генерала де Медема, развернувшего ставку в станице Щадринской. Соорудив редут вокруг нее, он принял меры для создания более прочной базы в Моздоке, куда свозили оружие, боеприпасы и провиант [1, Л. 93].

Но ко времени прибытия отряда де Медема положение на Северном Кавказе, превращавшемся в главную базу российского наступления на Крым, оставалось сложным, главные сооружения – Кизляр и Моздок – слабо защищенными. Поэтому меры, предпринятые де Медемом, хотя и были важными, но крайне недостаточными. Требовались необходимая гибкость и оперативность, чтобы удержать местных владетелей на стороне России. Однако этих качеств Потапов не проявил, хотя и демонстрировал решимость в адресованных им обращениях.

Так, в письмах, отправленных в январе 1769 г. кабардинским князьям Кайтуке, Келемету, Джанхоту, Алхасу и Идалу Мударовым, Довлетуке, Тапсоруке и Дударуке Таусултановым, Джанхоту и Коргоке Татархановым, он требовал немедленного прибытия их в Моздок, угрожая иначе, что не явившиеся по этому зову «почтены будут за противников». В феврале того же года он обратился с таким же требованием в Касаю Атажукину, Ханмурзе Исламбекову, Эльбуздуке Канаматову, Али Исламову и Мисосту Бамматову, упрекая их в том, что «крайне сожалеет, что они ему не верят» [1, с. 31] Тем самым комендант пытался рассеять подозрительность кабардинских князей, но не добился успеха.

Обстановка на Северном Кавказе продолжала осложняться, чему способствовали действия и самого Потапова. Недовольный непокорностью этих князей, он решился на крайне опрометчивый шаг – приказал отогнать у них 24 тысячи баранов, что вызвало недовольство не только самих князей, но и Коллегии иностранных дел, опасавшейся дальнейшего углубления конфликта в условиях войны. Выражая недоумение тем, что в создавшейся ситуации комендант решился на такой непродуманный шаг, в указе от 11 марта 1769 г. Коллегия отмечала, что кабардинский народ, придерживавшийся издавна российской ориентации, не изменивший ей и после Белградского трактата 1739 г., приведен его «строгим» поступком «в отчаяние».

Для исправления создавшегося положения ему рекомендовалось довольствоваться и тем, что на сторону России перейдут отдельные князья, за которыми могут последовать другие, тем более, что «весь подлой (простой – М.С.) народ... весьма неохотно видит, что теперь их владельцы мнутяся» [4, с. 288].

27 марта Коллегия отправила новый указ Потапову с требованием ускорить привлечение кабардинских князей на сторону России. «Здесь разсуждается, – говорилось в нем, – при настоящих обстоятельствах весьма можно будет и тем удовольствоваться, когда они не останутся явными противниками (России – Ю.М.), с кубанцами не сообщаться... но воспрепятствуют подбегам неприятельским к Кизляру и на Астраханскую дорогу» [1, с. 289].

Благодаря этим мерам выступившая на помощь крымцам 6-тысячная конница хана Керим-Гирея была разгромлена калмыками на берегу реки Калаус. Слив свои силы с 20-тысячной конницей калмыцкого хана Убаши, Медем стал у Бештавских гор в черте кабардинских владений, после чего большая часть из 200 баксанцев дала присягу на верность России.

Попытки сопротивления остальных были сломлены в сражении у реки Подкумки. В августе того же года баксанские князья полностью признали сюзеренитет России и вернулись в родовые поместья. Для наблюдения за их сношениями с Крымом и с соседними народами был назначен майор Д.В. Таганов. Развивая достигнутый успех, Медем двинулся в верховья Кубани, принял подданство от абазин и солтанаульских ногайцев, которые были переведены на левый берег Терека [4, с. 291–295].

Поход де Медема заглушил недовольство кабардинских князей, посчитавших целесообразным отойти от крымско-турецкой ориентации и перейти на сторону России. Что касается настроений простых горцев, то ориентация на Россию среди них оставалась преобладающей. Как подчеркивал, касаясь этого вопроса, в апреле 1768 г. Н.А. Потапов, «а народ явно говорит, если Кабарда отдастся под власть крымскую, они все напротив того передадутся к России» [5, с. 188]. Отмечая большую преданность кабардинцев России, чем Крыму, астраханский губернатор Н.А. Бекетов также подчеркивал: «Черный (простой – Ю.М.) народ о подданстве Крыму и слышать не хочет» [5, с. 189].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. АВПРИ. Ед.хр. 663. Л 42.
2. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. (его подготовка и подписание). – М., 1955.
3. Кабардино-русские отношения... Т.2. – С. 288.
4. Коллас. История Турции // История Турции. – Киев-Москва, 2003.
5. Цит. по: Сотавов М.Н. Крымское ханство в русско-турецких отношениях 1700–1783 гг. в свете влияния их на Дагестан. Дисс... канд. ист. наук. – Махачкала, 2010.
6. ЦГА РД. Ф.379: Канцелярия коменданта г. Кизляра. Оп.1. Ед.хр.683. Л.42

Информация об авторе

Гусейнов Юсуп Магомедович, кандидат исторических наук, доцент.
Дагестанский государственный институт народного хозяйства,
Махачкала (Республика Дагестан) Россия
g.usup@mail.ru.

Получена: 01 12.2014

Information about the author

Guseynov Usup Magomedovich, Candidate for Doctorate in History, Associate Professor, Dagestan State Institute of National Economy Makhachkala city, (Republic of Dagestan), Russia
g.usup@mail.ru.

Received: 01 12.2014